

УДК 378.1

doi: 10.35750/2071-8284-2021-2-33-40

Нина Эмильевна Вашкау

доктор исторических наук, профессор

ORCID: 0000-0001-9181-4381, vaschkau@mail.ru

*Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского
Российская Федерация, 398020, Липецк, ул. Ленина, д. 42*

Язык – важнейшее средство межгосударственной коммуникации (на примере изучения и использования немецкого языка в СССР в годы Великой Отечественной войны)

Аннотация: Актуальность изучения иностранных языков всё более очевидна в связи с глобализацией мира, обменом информацией и превращением международного сотрудничества государств в реальную необходимость. Новизна исследования диктуется незначительным кругом историографии по рассматриваемой проблеме и появлением новых источников – воспоминаний, архивных материалов, дневников участников событий. Предметом исследования является роль иностранных языков, которая осознавалась руководством СССР в 1930-е годы, подготовка переводчиков и их роль в годы Великой Отечественной войны. В системе народного образования были созданы условия для подготовки кадров и материальная база. Методология исследования включает историзм и объективность, которые дают возможность показать в становлении и развитии подготовку специалистов, вклад переводчиков в пропаганду на противника в период войны, оценить оптику восприятия народами друг друга. Просопографический метод позволил осветить конкретные биографии людей, которых судьба ввела на авансцену исторических событий, будь то перевод показаний военнопленного немецкого офицера, от признания которого зависела судьба локальной операции или масштабного наступления, до участия в заседаниях Нюрнбергского суда над высшими политическими и военными руководителями Третьего рейха, который уже 65 лет изучается и оценивается историками и правоведами. Особое место уделено биографиям переводчиков и их роли в период проведения Нюрнбергского процесса. Нами использованы официальные документы, воспоминания политических и военных деятелей, записи и дневники переводчиков военных лет, архивные документы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, Германия, Нюрнбергский процесс, пропаганда, военнопленный, иностранный язык, военный переводчик

Для цитирования: Вашкау Н. Э. Язык – важнейшее средство межгосударственной коммуникации (на примере изучения и использования немецкого языка в СССР в годы Великой Отечественной войны) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 2 (90). – С. 33–40; doi: 10.35750/2071-8284-2021-2-33-40.

Nina E. Vashkau

Dr. Sci. (Hist.), Professor

ORCID: 0000-0001-9181-4381, vaschkau@mail.ru

*Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
42, Lenina st., Lipetsk, 398020, Russian Federation*

Language is the most important means of interstate communication

(on the example of the studying and using of the German language in the USSR during the Great Patriotic War)

Abstract: Thematic justification of the study of foreign languages is more obvious in connection with the globalization of the world, the exchange of information and the transformation of international cooperation of states into a real necessity. The novelty of the research is dictated by the insignificant circle of historiography on the problem under consideration and the emergence of new sources such as memoirs, archival materials, and diaries of participants in the events. The subject of this research is the role of foreign languages, which was realized by the leadership of the USSR in the 1930s, the training of military linguists and their role during the Great Patriotic War. In the system of public education conditions were created for the training of personnel and the material base. The research methodology includes historicism and objectivity, which make it possible to show the training of specialists in the formation and development, the contribution of military linguists to propaganda against the enemy during the war, to evaluate the optics of peoples' perception of each other. The prosopographic method made it possible to highlight specific biographies of military linguists, whom fate brought to the forefront of historical events, whether it was the translation of the testimony of a prisoner of war German officer, on whose recognition depended the fate of a local operation or a large-scale offensive, to participation in the meetings of the Nuremberg Trials of the highest political and military leaders of the Third Reich, which has been studied and evaluated by historians and jurists for 65 years. We have used official documents, memoirs, notes and diaries of military linguists of the war years, archival documents.

Keywords: Great Patriotic War, USSR, Germany, Nuremberg Trials, propaganda, prisoner of war, foreign language, military linguist

For citation: Vashkau N. E. Language is the most important means of interstate communication (on the example of the studying and using of the German language in the USSR during the Great Patriotic War) // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 2 (90). – P. 33–40; doi: 10.35750/2071-8284-2021-2-33-40.

В условиях открытости границ и глобализации мира, распространения сети Интернет обмен информацией остро поставил вопрос о необходимости знания языка. Это понимает и правительство РФ в лице Министерства просвещения, обратившее внимание на изучение иностранного языка в средней школе и предложившее перевести иностранный язык в школе в категорию ЕГЭ. Сегодня молодое поколение западных стран свободно общается на английском языке благодаря его мировой востребованности. В нашей стране молодёжь всё больше осознает необходимость овладения языком, если она не хочет оставаться на обочине технического и информационного прогресса.

Цель статьи – на примере истории Великой Отечественной войны показать необходимость изучения и использования иностранных языков как важнейшего средства межгосударственной коммуникации, позволяющего странам участвовать в международных процессах, предотвращать военные конфликты, создавать условия для соблюдения международных договоров в современной политической и правовой областях.

Методология исследования включает историзм и объективность, которые дают возможность показать механизм восприятия народами

друг друга. Просопографический метод позволил осветить конкретные биографии людей, чья судьба ввела на авансцену истории, через призму однотипных событий разного масштаба, от скромного перевода показаний пленного немецкого офицера, чьи признания могли повлиять на судьбу локальной операции или наступления на том или ином участке фронта, до участия в заседаниях Нюрнбергского суда над высшими политическими и военными руководителями Третьего рейха, материалы которого уже 75 лет изучаются и оцениваются историками и юристами. Нами использованы официальные документы, воспоминания политических и военных деятелей, записи и дневники переводчиков военных лет, архивные документы.

Интерес и необходимость обращения к преподаванию иностранных языков вышли на государственный уровень в связи с принятием постановления СНК СССР. Оно стало ответом, как это и было практикой тех лет, на Постановление ЦК ВКП (б) (25 августа 1932 года) «О преподавании немецкого, английского и французского языков». Состояние обучения иностранным языкам в условиях тотальной нехватки кадров, когда речь шла об индустриализации и масштабных стройках, объективно было поставлено из рук вон пло-

хо. Руководство страны, приглашая технических специалистов из Германии, США, чётко видело узкие места в овладении иностранной техникой, и теперь оно поставило задачу научить выпускников школ одному иностранному языку. Было решено к 1943 году ввести преподавание одного из иностранных языков во всех средних школах с 5-го класса. Начиная с 1940 г. предлагалось ввести преподавание иностранного языка в Ленинграде и Москве с 3-го класса по два часа в неделю. План приёма предусматривал зачисление в педагогические и учительские институты в 1940 г. – 5500 человек, в 1941 г. – 7600, в 1942 г. – 10000 человек. Для тех, кто владел языком, но не имел документов, предполагалось открыть двухгодичные курсы при институтах. В аспирантуру на 1940/1941 гг. предполагалось принять 100 человек. Документ подписал 16 сентября Председатель Совета народных комиссаров В. Молотов.

Немецкий язык изучался примерно в 70 % школ, в остальных – английский и французский. Система обучения была ориентирована на чтение текстов, пересказ. Живой разговор на языке не был целью обучения, поскольку старшие школьники не имели возможности общаться с носителями языка. Не существовало и групп обмена с молодёжью других стран или с носителями языка. Поэтому особенно ценными кадрами были люди, которые знали именно разговорный язык и общались на нём с детства. Так было с теми, кто воспитывался с гувернантками или в семьях, где жили прямые носители языка. Однако в 1920–1930-е годы таких специалистов было очень мало. Большая часть эмигрировала после 1917 года, многие из оставшихся стали жертвами репрессий 1930-х годов.

Но работа по улучшению преподавания языков в школе была только одной стороной проблемы. С другой стороны, условия предвоенного времени предполагали необходимость готовить военных переводчиков [9, с. 813–823]. С этой целью 1 февраля 1940 года в Москве было решено открыть военный факультет при Втором Московском пединституте иностранных языков. Большая заслуга в становлении факультета принадлежит Николаю Николаевичу Биязи. Человек с богатой биографией¹, он владел 14 языками и был автором 35 научных и практических публикаций по лингвистике и военному делу. Николай Николаевич руководил факультетом до июля 1942 года. В 1940 г. были изданы словари немецкого, французского и итальянского языков. Весной 1941 г. на военном факультете готовились кадры на 15 иностранных языках.

Пропаганда в газетах, беседы с солдатами, пленение первых языков и перебежчиков со

стороны немецких войск требовали изучения и применения самых простых слов, которые могли употреблять солдаты, ведь им было нужно показать разрушительную направленность действий вермахта на занятых территориях. Сегодня мы как само собой разумеющееся читаем статьи и короткие памфлеты о враге, его характеристики, которые были подмечены писателями и художниками².

С началом войны появилась острая необходимость подключения переводчиков к подготовке словарей. В феврале 1942 г. Т. Д. Ауэрбах подготовил «Немецко-русский словарь жаргонных слов, кличек и крепких словечек» под редакцией Н. Н. Биязи. В предисловии указано, что работа выполнена в «Лесном» (институт был эвакуирован в Ставрополь на Волге (ныне город Тольятти), и словарь «достаточно ярко характеризует всю гитлеровско-фашистскую мразь, поможет нашим переводчикам разобраться в словах, кличках и выражениях, на каждом шагу встречающихся в немецком жаргоне»³. Словарь широко использовался художниками в пропагандистских плакатах, при подготовке разведчиков, в текстах пропагандистских листовок. Хлёсткие выражения становились названиями картин и заголовками газетных статей, часто встречались в письмах солдат к родным.

Художники в названиях картин и плакатов активно употребляли уничижительные обозначения, которые также переведены на немецкий язык. Как пример, можно привести полотно Т. Г. Гапоненко «После изгнания фашистских оккупантов» (1943–1946). Художник В. Иванов в подписи под известным плакатом «Пьём воду родного Днепра. Будем пить из Прута, Немана и Буга» поместил текст, который находил отклик у зрителя: «Очистим советскую землю от фашистской нечисти!». Плакат А. Кокорекина «Смерть фашистской гадине!», опубликованный в июне 1941 г., и знаменитая картина В. Бялыницкого-Бирули «По следам фашистских варваров» (1942 г.), запечатлевшая изгнание немецких войск, также демонстрируют устоявшиеся речевые конструкции в агитационном арсенале военных лет⁴.

Из таких словариков «крепкие словечки» переходили в газеты: например, в название статьи «Фашистская саранча» в газете «Красная звезда» от 15 августа 1942 года. Обратим внимание на слово «Raubarmee» – «грабьярмия». Оно часто встречается в текстах документов,

² Эренбург И. Собрание сочинений в 9 томах. – Т. 7. – Москва: Художественная литература, 1966. – 751 с.

³ Ауэрбах Т. Немецко-русский словарь жаргонных слов, кличек и крепких словечек / под редакцией доцента генерал-майора Биязи Н. Н. – Москва: Военное издательство НКО СССР, 1942. – С. 4.

⁴ Великая Отечественная война в произведениях советских художников : альбом / авт. вступ. ст. и сост. А. А. Юферова. – Москва: Изобразительное искусство. 1985. – 152 с; Демосфенова Г. Л. Советские плакатисты – фронту. – Москва: Искусство, 1985 – 208 с.

¹ См. биографию Н. Н. Биязи [Электронный ресурс]. – Сайт: ru.wikipedia.org. – URL: ru.wikipedia.org/wiki/Биязи (дата обращения: 10.01.2021).

в статьях и письмах читателей в газеты. Эти устойчивые выражения накрепко вошли в сознание народа. Так, документы Липецкого государственного архива содержат акты злодеяний, которые составлялись по горячим следам, после освобождения армией занятых территорий, и в них в массовом порядке используются подобные выражения. К примеру, в объяснительной записке комиссии Долгоруковского района Орловской области говорится: «Долгоруковский район начал подвергаться захватам немецкой грабьармией с 28 ноября 1941 г. ... За период временной оккупации района в течение 12 дней немецкой грабьармией причинены следующие убытки в районе», «Зарвавшаяся шайка всячески грабила и издевалась над всеми», «13/VII село третий раз бомбардировали фашистские стервятники».

В название газетной статьи могли быть внесены устойчивые выражения, бытовавшие также в официальных юридических документах⁵. «Фашистские мерзавцы своей лютой жестокостью превзошли самых свирепых палачей прошлого. Нет счёта их чудовищным злодеяниям»⁶.

С началом войны массово готовились разведчики для работы в тылу противника. Переводчики изучали структуру, вооружение и тактику германской армии, различия в званиях, литературу и печать страны, трофейные документы для Генерального штаба, перехваты радиопереговоров противника.

Ярким примером деятельности разведчика может служить биография Т. С. Ступниковой. Немецким языком она овладела ещё в детстве, в Германии, где находился в научной командировке её отец. Закончила школу им. Карла Либкнехта. Была зачислена в разведшколу при Военном институте иностранных языков и в 1944 г. добровольно пошла на фронт. В период работы Нюрнбергского процесса являлась синхронным переводчиком с немецкого на русский язык. Оставила очень интересные воспоминания, которые дополняют официальные документы⁷.

Чаще переводчики работали при штабах армий или дивизий, но порой рисковали так же, как на поле боя. В воспоминаниях приводятся эпизоды операций по захвату «языка», когда прямо на месте вылазки требовалось оценить степень важности захваченных документов. Не-

мало трофейных документов переводили для того, чтобы оценить психологическое состояние противника. С той же целью нередко допрашивались пленные [3].

В 1942 году переводчики проводили на линии фронта целые часы, с помощью переговорного устройства убеждая вражеские подразделения сдаваться в плен, переводя на понятный им язык фразы: «Не стреляйте! Слушайте правду о положении ваших войск».

Прикомандированные к политуправлениям переводчики были наиболее квалифицированными, их задачей являлась пропагандистская работа, адресованная войскам противника. Показательной является военная биография Льва Зиновьевича Копелева, который знал немецкий язык в совершенстве, причём и диалекты, что было редкостью. Закончив Московский институт иностранных языков, он преподавал в МИФЛИ и одновременно учился в аспирантуре. В мае 1941 года защитил кандидатскую диссертацию «Драматургия Шиллера и проблемы революции». В 1941 году пошёл добровольцем в армию и был направлен в 7-й отдел Политуправления 2 Белорусского фронта. Он писал тексты листовок, выступал по радио на линии фронта с обращениями к немецким солдатам, причём знание диалектов немецкого языка, полученное в ранней юности, помогало ему обращаться к частям напрямую с пофамильным обращением к солдатам на их родном диалекте, поскольку разведчики узнавали, из каких областей Германии призывались военнотружущие конкретной воинской части. После войны немецкие солдаты писали ему письма и вспоминали, что эти обращения вызывали у них удивление и доверие.

В начале войны отделы спецпропаганды фронтов были в незавидном положении, Красная армия отступала, немцы, за редким исключением, в плен практически не сдавались. Было ясно, что методы пропаганды не приносят желаемого эффекта. Перелом в сознании солдат вермахта произошёл после битвы под Москвой, после окружения 6-й армии под Сталинградом. В последних письмах из Сталинграда, понимая, что они окружены, солдаты стали высказывать сомнения в правдивости гитлеровской пропаганды и обещании спасти их из котла. Солдаты и раньше читали листовки и слушали радиопередачи, но не верили им. Теперь отношение к листовкам, разбрасываемым с самолётов на немецкие позиции, изменилось⁸.

Пропаганда среди немецких солдат сдачи в плен «Советам» стала главной задачей работы отделов по работе среди войск противника. «Все немецкие солдаты, где бы они ни были –

⁵ Быстрее залечим раны, нанесённые гитлеровскими варварами // Газета «Голос колхозника» Долгоруковского райкома ВКП (б) и районного совета депутатов трудящихся Орловской области. – 1944 // Государственный архив Липецкой области. Газетный фонд.

⁶ Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны: Липецкая область: сборник архивных документов / отв. ред. С. А. Королева. – Москва: Фонд «Связь Эпох»: Издательство «Кучково поле», 2020. – С. 130, 174.

⁷ Ступникова Т. С. Ничего кроме правды. Нюрнбергский процесс. Воспоминания переводчика. – Москва: Русские словари, 1998. – 198 с.

⁸ См. «...Хоть раз напишу тебе правду». Письма солдат вермахта из сталинградского окружения / сост. Н. Э. Вашкау. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 135 с.

на Украине, под Ленинградом, под Орлом или на озере Ильмень, – должны знать о катастрофе гитлеровского вермахта, разразившейся под Сталинградом... Каждый немецкий солдат и офицер сегодня стоит перед выбором: сдача в плен или смерть. Принимайте решение, пока не поздно!» – с таким призывом к противнику обращался старший лейтенант Я. С. Драбкин в начале февраля 1943 г. [5, с.18].

«Оружие слова, непосредственно воздействующего на рассудок и душу противника, крепло и совершенствовалось в боях так же, как и все другие роды нашего оружия, – вспоминал Л. Копелев. – Мы научились разнообразить нашу пропаганду, целеустремлённо конкретизировать её, направляя к читателям и слушателям разных общественных групп, разных уровней образования, разных взглядов на жизнь, к людям, происходившим из разных областей Германии»⁹.

Теперь уже пропагандисты выпускали маленькие книжки на русском языке по типу издававшихся немецких. Вот несколько примеров кратких русских предложений на латинице, которые немецкий солдат мог произнести: «Сдаюсь», «Не стреляй», «Не хочу воевать» «Дай закурить» «Дай хлеба». На последней странице был напечатан «пропуск в плен для перебежчиков». Пропагандисты – переводчики обыграли в стихах даже немецкую поговорку «*gefangen – gerettet*» («кто в плену – тот спасён»):

*Deutsche Soldaten!
Sterbet nicht für Nazi-Plutokraten.
Lasst euch raten:
Rettet euch vom Krieg und Tod!
Gefangen – gerettet: heißt das Gebot.*

*Немецкие солдаты!
Не умирайте за нацистских плутократов.
Слушайте совет:
Сами спасайте себя от войны и смерти!
Кто в плену – тот спасён: гласит завет¹⁰.*

В книге отзывов, которая хранится в музейно-панораме «Сталинградская битва», немцы, пережившие войну в Сталинграде и побывавшие уже в Волгограде в начале 1990-х годов, писали, что сдавались и сохранили жизнь благодаря таким листовкам.

Некоторые пленные поступали в антифашистские школы и участвовали в пропагандистской работе на стороне недавнего противника. Советы, которые они давали сотрудникам 7-го отдела, касались различия в культурном и на-

циональном уровне солдат. В РГАЛИ, в фонде Л. З. Копелева хранятся такие редкие документы. Так, обер-ефрейтор 32-й гренадерской дивизии Курт Госвайлер давал очень ценные замечания переводчикам при подготовке текстов листовок: «К баварцам не следует обращаться, как к поморанцам, а к рабочим так же, как к крестьянам. В печатной пропаганде нужно использовать религиозные мотивы, ибо религиозные разногласия между католиками и протестантами очень сильны. Говоря об успехах русских на фронте, не следует их преувеличивать, ибо солдаты могут не поверить. Было бы неплохо в пропагандистских целях использовать сводки германского верховного командования (которым многие не верят) с различными комментариями»¹¹.

В беседах с бойцами командиры использовали и тексты писем немецких солдат на родину, которые были захвачены во время боёв. Карманного формата небольшая книжечка «Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага» была издана в марте 1944 года военным издательством Наркомата обороны. Она содержит отрывки из писем и дневников немецких солдат и офицеров, захваченных в ходе боев Красной армией. Большая часть их относилась к ноябрю–декабрю 1942 г. Переводы были осуществлены Н. И. Непомнящей и И. М. Синельниковой. Ценность этих переводов ещё и в том, что текст писем обычно был написан ручкой, карандашом, часто готическим шрифтом, и требовалось большое искусство, чтобы прочесть эти тексты.

Допросы пленных входили в официальные обязанности переводчиков разведотделов штабов армий и дивизий. Такую жизненную школу прошёл доктор исторических наук, профессор-германист И. Я. Биск, выпускник курсов военных переводчиков при 2-м Московском институте иностранных языков в 1941 г. Будучи прикомандирован к 16 и 3 ударной армии, он в своих воспоминаниях подробно остановился на значимости этой работы для боевых действий. В первый период войны пленные были редкостью, и разведроты имели задание добыть «языка». От успешности их операции зависел успех наступления, выбор направления, знание реальной силы противника, с которым предстояло сразиться подразделению. Задача переводчиков заключалась в том, чтобы разговаривать пленного. При этом требовалось в совершенстве владеть военной терминологией, фонетикой языка, знать организацию немецкой армии, менталитет и национальные особенности характера.

И. Я. Биск вспоминал, как в 1942 году он проводил первый допрос пленного. Он его не понимал и спросил, на каком языке тот говорит. На что получил ответ: «Но, господин старший

⁹ Копелев Л. Слово правды через фронт. Заметки и воспоминания литератора-пропагандиста // Литературное наследство. Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. – Т. 78. – Кн. 1. – Москва: Правда, 1966. – С. 507–508.

¹⁰ Там же. – С. 340–341.

¹¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 2549. – Оп. 3. – Д. 551. – Л. 1–2; Там же. – Д. 552. – Л. 42, 51.

лейтенант, я ведь шваб: настоящего шваба никто вообще понять не может» [2, с. 120]. Знанием немецких диалектов как раз выделялся Л. Копелев, и пленные солдаты спрашивали его, кто же говорил по рупору со швабами как шваб?

Для борьбы с противником нужно было знать его всесторонне, изнутри, вычислить его слабые стороны. Труд армейского переводчика выходил за рамки собственно профессиональные – последовательно переводить диалог или трофейные документы. Нужно было составлять текущие записи о противнике, характеристики офицерского состава, расшифровывать номера полевой почты захваченных писем, анализировать, из каких частей Германии прибыли солдаты, и в обращениях уже ориентироваться на национально-региональный и религиозный состав, чтобы определить слабое место противника – если не в техническом, то в психологическом отношении.

В конце войны переводчики, рискуя жизнью, становились парламентёрами, убеждая сдаваться немецких солдат и офицеров. 2 мая переводчица разведотдела 52-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии старший лейтенант З. П. Степанкова в боях за Берлин привела в штаб дивизии двух генералов и 90 офицеров. Такой же эпизод был в военной биографии Л. Копелева, когда он весной 1945 г. участвовал в сдаче в плен солдат противника, защищавших крепость Грауденц.

В воспоминаниях военных переводчиков навсегда остались впечатления о допросах и восприятии поведения пленённых солдат и офицеров, реакция гражданского населения уже в Германии, встречи с высшим руководством рейха и военными. Такими воспоминаниями поделился М. С. Альперович, которому довелось допрашивать вице-адмирала Г. Э. Фосса, рассказавшего о самоубийствах Гитлера и Геббельса, а также С. М. Верников и Е. Ржевская, принимавшие участие в допросах высших армейских чинов¹². Одна из интересных страниц в биографии переводчика, историка А. С. Бланка связана с работой в лагере для немецких военнопленных в Суздале, куда он был прикомандирован после ранения. После разгрома под Сталинградом большая группа пленных генералов оказалась в небольшом городе Суздале. Он лично наблюдал процесс политического прозрения Ф. Паулюса [4].

Копелев как учёный-лингвист хорошо понимал, что документы спецпропаганды будут иметь огромное значение для написания истории Второй мировой войны. Он стремился собрать документы – протоколы допросов пленных, аналитические записки, письма и дневники противника и сохранить их в неприкосновенности в

надёжном месте [6, с. 47–54]. Фронтные оперативные листовки, уровень пропаганды, на котором действовали Л. З. Копелев и другие переводчики, и по сей день остаются неизвестными¹³. На других участках и фронтах переводчиками и пропагандистами работали Я. С. Драбкин, А. М. Иерусалимский, А. А. Галкин, А. С. Бланк, В. И. Стеженский и многие другие.

Более 5 тысяч переводчиков прошли через войну. Многие погибли. Многие из тех, кто дошёл до Берлина, оставили свои воспоминания. Ценными для понимания роли военных переводчиков являются воспоминания Е. Ржевской, участвовавшей в контрразведке, а затем в опознании останков Гитлера. Несколько строк из её записных книжек: «У немцев, у каждого солдата – пачки фотографий одинакового формата, шесть на девять, с зазубренными краями. Muti, Vati – мамуля, папуля. Любимая сестра. Завтрак честного семейства, велосипедная прогулка, трапеза в саду, толстяк дядя с мосластой женой и крошками детьми, черепичная кровля, добротный дом, увитый плющом. Невообразимый уют жизни. Довольство, самодовольство. Но главное – уют. Куда же они повалили, куда поперли от своего уюта?»¹⁴. Многочисленные фотографии стали позднее неопровержимыми доказательствами виновности вермахта в его обращении с местным населением. Ибо часто солдаты и особенно офицеры, фотографировали казни, повешения и всяческое глумление над гражданским населением и красноармейцами.

Огромную роль переводчики сыграли на Нюрнбергском процессе. Многие из них закончили Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ), добровольцами пошли на фронт. Те из них, кто оставил воспоминания, писали, что вызов в Нюрнберг был достаточно неожиданным. Их командировали из Карлсхорста, где находилось командование Советской Военной администрации в Германии, либо через Всесоюзное общество культурных связей с заграницей. В условиях послевоенного времени и огромного значения процесса ответственность переводчиков была чрезвычайной. Они осознавали, что присутствуют при событии мирового значения. От СССР было всего 40 переводчиков (с американской стороны – 680). Объём работы был колоссальный. Они переводили документы, которые предъявлялись обвиняемым, протоколы организационных заседаний, выступления обвинителей и ответы обвиняемых. Именно в Нюрнберге была опро-

¹³ Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951 / сост. В. С. Христофоров, В. Г. Макаров. – Москва: Международный фонд «Демократия», 2009. – 576 с.

¹⁴ Ржевская Е. Ближние подступы: записки военного переводчика [Электронный ресурс]. – URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/prose-military/220933-11-elena-rzhevskaya-blizhnie-podstupy.html#text> (дата обращения: 15.02.2021).

¹² Верников С. М. Записки военного переводчика / 3-е изд., доп. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1977. – 136 с.; Ржевская Е. М. Берлин, май 1945. – Москва: Московский рабочий, 1986 – 320 с.

бована практика синхронного перевода, ставшая позднее в международной практике обычной. Кандидаты должны были не только хорошо знать язык, но юридическую и военную терминологию, быть стрессоустойчивыми, ибо работать приходилось очень напряжённо. 36 синхронистов, 12 последовательных переводчиков и 8 групп письменных переводчиков по 20–25 человек. По 12 стенографисток на каждый язык. Более 100 переводчиков редактировали стенограммы. И в том, что историки имеют в своём распоряжении тома документов процесса – заслуга переводчиков. Об этом пишет во введении Н. С. Лебедева, подготовившая очень ценный сборник «СССР и Нюрнбергский процесс»¹⁵.

С немецкого языка на русский переводил в числе других синхронист Е. А. Гофман. Свои знания после войны он с успехом применял в преподавательской деятельности. В 1987 году Е. А. Гофман опубликовал курс по синхронному переводу¹⁶. Его коллега – синхронистка Е. Е. Стенина (Щемелева) выпустила книгу, куда вошли воспоминания, документальные материалы, отрывки из публикаций писателей, публицистов, освещавших процесс в печати «Расплата. Третий рейх: Падение в пропасть»¹⁷ о повседневной работе коллег.

Константин Валерьянович Цуринов учился сначала в МИФЛИ. МГУ закончил в 1945 г. С ноября 1945 по январь 1947 гг. К. В. Цуринов работал синхронным переводчиком у микрофона в зале заседаний Нюрнбергского трибунала, переводил выступления французских обвинителей. Был выдвинут на должность старшего переводчика, а затем – секретаря советской части Международного военного трибунала. С 1949 г. преподавал испанскую, латиноамериканскую литературу, подготовил многих медиевистов и испанистов. Благодарные ученики издали памяти К. В. Цуринова сборник «Литература в контексте культуры»¹⁸. Переводом официальных документов на Нюрнбергском процессе занималась Нинель Ювельяновна Топуридзе (Сумбатова). Уже после войны, в 1952 г. она защитила кандидатскую диссертацию по проблеме неологизмов в немецком языке на материалах прессы, публицистики и художественной литературы ГДР, долгие годы работала преподавателем в Москве.

Переводчиком-синхронистом работала Инна Моисеевна Кулаковская (Ершова), окон-

чившая МИФЛИ. А. И. Полторак, руководитель советской группы переводчиков и секретарь советской делегации в Международном военном трибунале, в своей книге «Нюрнбергский эпилог» даёт ей очень лестную для переводчика характеристику: «Когда на окончательно выправленной стенограмме стояла подпись Кулаковской, можно было надеяться, что будущий историк, изучающий Нюрнбергский архив, не найдёт повода для претензии»¹⁹. Позже Инна Моисеевна работала ответственным секретарём в редакции журнала «Звезда».

О напряжённой работе переводчиков, их огромной ответственности за точность, быстроту перевода пишет во введении к упоминаемому сборнику документов Н. С. Лебедева. В нём в сжатой форме показана драматичность, напряжённая работа с документами, речами и выступлениями руководителей процесса, согласование их с Москвой. «Колоссальный объём работы выпал на долю переводчиков советской делегации». Назовём упомянутые в книге фамилии: Т. Ю. Соловьева, Н. Ю. Топуридзе, Т. А. Рузская, И. М. Кулаковская, К. В. Цуринов, М. А. Соболев²⁰.

Таким образом, работа по подготовке кадров, созданию профессиональной школы переводчиков началась задолго до войны. В период Второй мировой войны тысячи переводчиков показали блестящие знания языка, культуры, религии, менталитета, психологии противника, что оказало существенную роль в пропагандистской работе. Показания военнопленных помогли спасти тысячи жизней советских (и немецких) солдат, осуществить военные операции, опираясь на добытые сведения о состоянии противника на линии фронта. От профессионализма переводчиков иногда зависела судьба батальона или дивизии.

Работа переводчиков в период Нюрнбергского процесса показала уровень советской школы перевода, которая была продолжена специалистами в системе обучения в высшей школе и дала целый ряд известных имён уже в послевоенное время. Новое поколение переводчиков, преподавателей, учителей школ переняли от своих учителей лучшие черты характера, стиль поведения, отношение к профессии. Перевод зарубежных СМИ, выступления политического деятеля страны сегодня на международной арене – это та же огромная ответственность за правильность информации, а в международных отношениях – тонов и полутонов, от которых иногда зависит успешность встречи.

¹⁵ СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории : сб. документов / науч. редактор и составитель Н. С. Лебедева. – Москва: МФД, 2012. – 624 с.

¹⁶ Гофман Е. А. Синхронный перевод : пособие по нем. яз. для ин-тов и фак. иностр. яз. / Е. А. Гофман, П. Н. Куриленко. – Москва: Высшая школа, 1987. – 240 с.

¹⁷ Расплата: Третий рейх: падение в пропасть / сост. Е. Е. Щемелева-Стенина. – Москва: Республика, 1994. – 382 с.

¹⁸ Литература в контексте культуры [Памяти К. В. Цуринова / Е. А. Мельникова, Т. А. Михайлова, В. К. Ронин и др.; Авт. предисл. И. А. Тертерян] / под ред. С. И. Пискуновой. – Москва: Изд-во МГУ, 1986. – 272 с.

¹⁹ Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог. – Москва: Воениздат, 1965. – 550 с.

²⁰ СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории : сб. документов / науч. редактор и составитель Н. С. Лебедева. – Москва: МФД, 2012. – С. 39.

Список литературы

1. Биск И. Я. Мой XX век. Записки историка. – Иваново: Ивановский гос. университет, 2003. – 446 с.
2. Биязи Н. Н. Краткие сведения по технике опроса пленных. – Москва: Воен. фак-т зап. иностр. языков, 1941. – 39 с.
3. Бланк А. С., Хавкин Б. Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. – Москва: Патриот, 1990. – 207 с.
4. Борозняк А. И. Время истории и время историка / Германия и Россия в судьбе историка : сборник статей, посвящённый 90-летию Я. С. Драбкина. – Москва: Собрание, 2008. – С. 14–36.
5. Вашкау Н. Э. Начало прозрения (о путях воздействия советской спецпропаганды на солдат и офицеров вермахта: год 1943–й, Северо-Западный фронт) / Великая Победа: в 15 томах / под общей редакцией С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. – Том XII. – Освобождение. – Москва: Изд-во «МГИМО-Университет», 2015. – С.47–54.
6. Матасов Р. Синхронные переводчики на Нюрнбергском процессе: *Humani nihil a me alienum puto* // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2010. – № 2. – С. 74–85.
7. Матасов Р. *Ultima ratio interpretum*: вербальное оружие на Нюрнбергском процессе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2020. – № 2. – С. 76–87.
8. *Нюрнбергский процесс: уроки истории* : материалы Международной научной конференции / под ред. Н. С. Лебедевой, В. В. Ищенко; сост. Ю. М. Коршунов. – Москва: ИВИ РАН, 2007. – 267 с.
9. Самойлова Т. А. Военные переводчики в годы Великой Отечественной войны / Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войны): материалы Международной научной конференции, 28–29 апреля 2020 / сост. Н. С. Нижник, С. А. Никифорова. – В 2 ч. – Ч. 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – С. 813–823.
10. Смыкалин А. С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР [Электронный ресурс] // Сайт «Библиотека LibFOX». – URL: <https://www.libfox.ru/640190-aleksandr-smykalin-perlyustratsiya-korrespondentsii-i-pochtovaya-voennaya-tsenzura-v-rossii-i-sssr.html> (дата обращения: 15.02.2021).

References

1. Bisk I. Ya. Moy XX vek. Zapiski istorika. – Ivanovo: Ivanovskiy gos. universitet, 2003. – 446 s.
2. Biyazi N. N. Kratkiye svedeniya po tekhnike oprosa plennykh. – Moskva: Voen. fak-t zap. inostr. yazykov, 1941. – 39 s.
3. Blank A. S., Khavkin B. L. Vtoraya zhizn' fel'dmarshala Paulyusa. – Moskva: Patriot, 1990. – 207 s.
4. Boroznyak A. I. Vremya istorii i vremya istorika / Germaniya i Rossiya v sud'be istorika: sbornik statey, posvyashchonnyy 90-letiyu Ya. S. Drabkina. – Moskva: Sobraniye, 2008. – S. 14–36.
5. Vashkau N. E. Nachalo prozreniya (o putyakh vozdeystviya sovetskoy spetspropagandy na soldat i ofitserov vermakhta: god 1943–y, Severo-Zapadnyy front) / Velikaya Pobeda : v 15 tomakh / pod obshchey redaktsiyey S. Ye. Naryshkina, A. V. Torkunova. – Tom XII. – Osvobozhdeniye. – Moskva: Izd-vo «MGIMO-Universitet», 2015. – S.47–54.
6. Matasov R. Sinkhronnyye perevodchiki na Nyurnbergskom protsesse: *Humani nihil a me alienum puto* // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. – 2010. – № 2. – S. 74–85.
7. Matasov R. *Ultima ratio interpretum*: verbal'noye oruzhiye na Nyurnbergskom protsesse. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. – 2020. – № 2. – S. 76–87.
8. *Nyurnbergskiy protsess: uroki istorii* : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / pod red. N. S. Lebedevoy, V. V. Ishchenko; sost. Yu. M. Korshunov. – Moskva: IVI RAN, 2007. – 267 s.
9. *Samoylova T. A. Voennyye perevodchiki v gody Velikoy Otechestvennoy voyny / Gosudarstvo. Pravo. Voyna (k 75-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne) : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 28–29 aprelya 2020 / sost. N. S. Nizhnik, S. A. Nikiforova – V 2-kh chastyakh. – Chast' 1. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2020. – S.813–823.*
10. *Smykalin A. S. Perlyustratsiya korrespondentsii i pochtovaya voyennaya tsenzura v Rossii i SSSR [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://www.libfox.ru/640190-aleksandr-smykalin-perlyustratsiya-korrespondentsii-i-pochtovaya-voennaya-tsenzura-v-rossii-i-sssr.html> (data obrashcheniya: 15.02.2021).*

Статья поступила в редакцию 30.03.2021; одобрена после рецензирования 20.05.2021; принята к публикации 16.06.2021.